

Елена Крюкова

Елена Крюкова – живёт в Нижнем Новгороде. Поэт, прозаик, культуролог, литературный критик. Окончила Московскую государственную консерваторию (фортепиано, орган) и Литературный институт им. Горького. Член Союза писателей России, Творческого союза художников России, Издательского совета Русской Православной Церкви. Автор книг стихов и прозы. Лауреат премий: им. М. И. Цветаевой (2010), журнала «Нева» (2012), Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь» (2014, 2016, 2019, 2021, 2022, 2023), им. И. А. Гончарова (2015), им. А. И. Куприна (2016), им. Э. Хемингуэя (2017, Канада), Южно-Уральской премии (2017), им. С. Т. Аксакова (2019), им. Ф. И. Тютчева (2020), журнала «Север» (2020), им. Н. Н. Благова (2021), журнала «Берега» (2021), им. С. Сергеева-Ценского (2021), «Молитва» (2021), им. Б. Корнилова (2022), «Есть только музыка одна» (2021, 2022), «Слово и музыка» (2023), им. Н. С. Лескова (2024) и др.

Публикуется в литературных журналах России и стран мира (Франция, Германия, Болгария, США, Канада). Создатель авторского «Театра Елены Крюковой».

ПОСЛЕДНИЙ ВАГОН

Пройдите мимо нас
и простите нам наше счастье.

Достоевский Ф. М. Идиот

* * *

Рельсы серебристей свежей рыбы.
Чёрен снег, он подгорелый хлеб.
Под нависшей многозвёздной глыбой
Мчится поезд, от любви ослеп.

Мы глаза ладонью закрываем
От его безумных белых глаз.
Поздно! Он летит, забываем,
Сквозь живых и сквозь убитых нас.

В поездах прощались и любили,
Пели, умирали на бегу...
Мы остались на платформе – или
Две полынных ветки на снегу?

БЕССТРАШИЕ

А мы дороги не боялись, нет!
Мы хлеб ломали, дул судьбинный ветер,
И на ходу мы прыгали в вагон,
Катил под склон, а миг сверкнёт – на склон!

Такие годы были. Гибло всё.
Всё попадало в разрушенья колесо.
Так с пьедестала падала страна,
Одна на всех, для одного – одна!
Откалывались от неё куски.
Орали мы и пели от тоски.
От голода: картошечку на сале
Так жарили!.. вокруг неё плясали...
На площади стояли, руки голые сцепив:
Нет, танки не пройдут!.. – наш крик, мотив,
Наш вопль: живи ты, Родина! живи!
В который раз – да, на костях и на крови...
Войны мы не боялись. Нет, о нет!
На выстрелы наш был один ответ:
Что ж, под ружьё! Под тяжкий автомат!
За Родину! Глянь – тысячи стоят...
А кто не с нами – значит, против нас!
Но мы не знали лисьих лживых глаз,
Но мы так верили: грохочет наш состав
Поверх обмана, в синь небесных глав!
Из нас был каждый – куполом златым!
Да, голодали! Кудри-гарь, пожарищ дым,
Шальные торжища, где куры, шапки, лук
И пишмашинки во дрожащих граблях рук...
Зарплату нам – яйцом да утюгом!
Парадное дежурство – в горле ком!
Убийство богача, а пуля сквозь стекло,
Из рук валится летописное стило...

Россия гибнет, так тогда казалось нам!
«Да никогда!» – орали. Стыд и срам,
Кто каркает в сугробе, вороньё,
Кто плюнет во бессмертие твоё!
Кто не увидит воскресение: вокзал,
И бег народа, что судьбу в лицо узнал,
Что – на плечи котомку и баул,
Что в зале ожидания до Христа – уснул!
Мы сорвались. Во тьму! На рельсы! В свет!
Мы, люди, смерти не боялись, нет!
Мы кровью знали: что ж, погибель вот! –
А там, за спинами, восстанем мы, народ...
И потечём – по россыпям дорог!
И побежим – в берёзовых серёг
Златую и пчелиную пыльцу!
Нас Херувим крылом погладит по лицу!
Нас много! Мы все – ягоды, зерно,
Кирпична пыль, велика былъ, мы все одно,
Мы глухи к визгу ненависти: нам
Пред боем знамя прижимать к губам!
Да, знамя красное, всё в золоте кистей.
Всё легендарное. В земле оркестр костей,
Все скрипки рук, все ксилофоны ног,
Гремят все битвы, каждый одинок,
За счастье погибая, всяк бежит
Вон из вокзала, паровоз дрожит,
Нам снова плыть во времена без дна,
Нас снова ждёт гражданская война,
Переплывём, крылато перейдём,
Да, аки посуху, под ветром и дождём,
Ведь гибель Родины – залог ея любви,
Моя родная, не умри, живи,
Ты выстой, тебя перевяжу,
Влечу в вагон, иду как по ножу,
Палят и празднуют, целуют плоть, гранит,
Рожают тряско, плачут в море панихид,
Мы помним всё, мы выжили тогда,
Да нам сегодня горе не беда,
Мы не боимся боли – мы есть боль,
Родная, дай обнимем, мы с тобой,
Да всяк есть ты, всяк воробей из нас,
Орёл, парящий в перекрестье глаз,
Тот полководец, гулкие войска,
Тот машинист, беспалая рука!
О, нас не запугаешь! Стреляные мы.
На шрамы и рубцы – возьмём взаимы
Кровавые, иные письма,
Ко рту мы купол поднесём – без дна!
И выпьем! Ну, давай! На посошок!
Мы не боимся Ада: с нами Бог.
Метель, ты с нами. Зимняя Война.
Дорога с нами. Вечная она.

ПОЮ
СТАРОВОЕРСКУЮ ПЕСНЮ
СО СВЕКРОВЬЮ МОЕЙ
ВЕРОЙ ЕМЕЛЬЯНОВНОЙ

Овчина и бархат, золотное шитьё...
Сгорели заплоты. Иное бытиё.
Идёт из мрака уткой жирною – изба...
Не Страшное Судилище, а восстают гроба...
Мою свекровушку видала я лишь раз.
Ей пела соловушкой, и слёзы – из глаз.
Она же вся морщиниста... живого места нет...
Лицо – печёным яблоком. Очей фосфор-свет.

Мирь медленно крутится. Страшен циферблат.
Мелькают знаки-символы. Войны звенят.
Гремят куранты. Кукушке куковать.
Лязгает в госпитале смертная кровать.
Пылают сапфиры врачебных ламп.
Пылают рубины зверьих лап.
Железная миска. Свекровь, ты чья жена?
Погиб мой свёкор. Сожгла война.

А вот она и новая, свежая война.
Свекровушка, Верушка, зачем ты одна?
Четверо детишек, живых твоих душ –
Один из них да стал мне суждённый муж.
Ну что же, давай рядом сядем, вдвоём!
Давай, свекровка, песнюшку затянем-споём –
Песню старинну, брёл по берегу казак,
Осетра спымал, да погиб за так.

Ах, Господь, пропал ни за понюх табака –
Муж твой, казак, войнушка нелегка!
А ты, моя свекровушка, на земельном дне
Спи-усни, покойся, Мирь видь во сне.

Ах, розвальни-полоз, да снежный городок!
Бурливый Енисей, живорыбный садок!
Держи, моя ласковая, крепче осетра –
Горит война превыше костра...

Свари ты в котле иные времена!
Выпьем водочки, выпьем до дна!
Стопку под ущицу! Мамонька, не плачь!
Мама, не рыдай, время – лошадьё – вскачь...

Песня старинна! Розвальни летят!
Чёрный на монашке, угольный наряд!
Крестисься двуперсто на Божию Мать
Чимеевскую, мвра боле не сыскать...

МОЛИТВА

Родная моя! Родимый мой прах!
А вот вся живая – в соломе, на санях!
А вот староверский, бешаный взор,
А вот во срубе приказан костёр!
А пред казнью – пряничек тебе:
Кроха прилипла мятной родинкой к губе!
А пред гибелью – сладимый пирожок:
Бог тебе в липкой ладошечке сберёт!

Ты моя свекровушка, пьяна без вина,
Вера ты Емельяновна, казачия жена!
Вишь, какие настали времена –
А ты там под землёю, а ты-то там одна!

Милая! Да всем нам покидать окоём!
Ищу черты твои да в сыне твоём!
Глажу мужа моего по морщину лицу,
Как ты своего, егда вёл тя к венцу...

Да только пой со мной, да рюмка через край!
Да только песню стару тyani, не бросай!
Да шла тропинка мимо кузни той,
Игде разрыв-трава горит под пятой...

Ах, пой ты, пой, да начинай стократ!
Ах, жизнь, жизньюшка, да не придёт назад!
Мохнатою шубою раскинулась Сибирь
На лавке еловой, в чаю – Китай-имбирь,
Ложкой зазвениши – золочёный ток
Ударит: лимонник, синий Восток,
Свечи толсты у Ветхаго Завета в ряд,
На фото желтеющем солдат, ещё солдат,
Ружья-винтовки, морозная тьма,
Думка-подушонка, вышила сама,
Пылает в оконцах радужна слюда,
Я боле не увижу тебя никогда,
А кто боле меня не увидит никогда,
Об том молчать и петь, за верстою верста,
Я боле никогда в Сибирю не дойду
На лютом, на волчьем, серебряном холоду,
Ты пой, моя свекровушка, голосом дрожи,
Да мне ничегошеньки про тот свет – не скажи...

Сегодня в лазарет наш с далёкой ли дали
Совсем цыплёнка юного, мальчонку привезли.

Из кузова сгрузили и на руках внесли
В огромную палату: в крови, снегу, пыли.

Обмыть мальчонку надо!

Всё чистым быть должно.

А нянечка-старуха так молится в окно.

На Солнце, как на Спасе... икона – небеса...
Зовите вы хирурга! Жить парню полчаса!

Хирург бежит, вздыхает, всю видит боль-беду.
Реку переплывает, идёт-бредёт по льду.

Реку войны, и скорби, и простынь, и пелён,
Реку судьбы и смерти, реку иных времён.

А мать моя, сестричка, рукой зажала рот:
Такой солдат молоденький, а нынче вдруг умрёт!

Не умирай, шептала, держись, не умирай,
Во что бы то ни стало держись и побеждай!

Зажимы подавала... Стояла у стола...
А нянечка-старуха молилась и ждала.

А нянечка святые все путала слова,
Молилась как умела, молилась от себя...

Хирург над страшной раной творил
последний шов.
Шагнул назад, как пьяный, без сил, в поту,
без слов.

Солдат, мальчонка бледный, последний дух
и дых.
Он снизу вверх застыло смотрел на нас, живых.

И мать моя, сестричка, отбросила зажим,
И тихо так и горько заплакала над ним.

А нянечка молилась, молилась всё равно,
И Солнце бинтовало разверстое окно,

И Бог молитву слышал, в слезах смирен и тих,
И в небе Сам молился за мёртвых и живых.

Этот Ход мой, суровой Веры, по великой и бедной стране.
 Это Ход мой, сквозь ущелья и шхеры, по отмели, по дну и на дне.
 Что со мной приключится?
 Сегодня ли, завтра – завяжи котому – лишь путь:
 В глаза реки заглянуть, в колени земли башку уткнуть.

Все говорят, что ты сегодня – новьё, ты, моя земля.
 То жнивьё, то быльё, то бельё улетает, метелью пыли.
 А я всё иду, вечная Вера, меня не подстрелишь из-за угла,
 Я в застольное царство людей рыжей приبلудной собакой вошла.

Грохот поезда! Бритвой времени пользуйся, а меня, бритый вор, не тронь:
 Я сама себя раскрошу, направо-налево раздам, жадный хлебный огонь,
 И угли мои, головни мои уже, сгибаясь, плача, едят из дрожащих рук;
 А толпа пляшет, пьяна от песен горячих, и так близок Полярный круг.

Я иду по стране, поджарая, тощая Вера, по худой песчаной земле.
 Я иду в огне, по воде, где тучи полощутся,
 то трезва как стёклышко, то навеселе.
 Я всё помню, я твержу сожжённые буквы,
 хлеб старухам дарю,
 я традицию свято чту,
 Я небесных прощальных ангелов чётко зрю
 сквозь кровавую линзу, за висельную версту.

Я иду, просто баба. А баба, ребята, се не человек!
 Баба – это же просто курица-ряба, слеза из-под мужицких век,
 Я иду уж не меж людей, а над Мiром, над городом, над толпою, над
 Жгучей памятью, над самой собою, над звездами, что виноградом висят,

Красной – с виселиц! – винной ягодой!
 над пургой, заматающей храм,
 где стреляли – во злобе и ярости – в грудь – так скоро забытым Царям!..
 над железной повозкой, с красным крестом трясущейся то вперёд, а чаще – назад,
 да над Приснодевою, сущою Богородицей – в смарагдах зрячих оклад!..

Над зимней площадью, красной бешеной лошадью,
 над колпаками-бубнами скоморохов иных, певцов,
 Над секирами, судьбами срубленными новых, страшных ликом стрельцов,
 И кричу им, шепчу им: милые! братья! слышите ли! люблю! –
 А в ответ мне одно: за могилую... во успении... во хмелю...

А со всех сторон, в грудь и в спину, заголошно кричат: «Собака! Уйди!»
 Я иду. Я на ветру не простыну. Укроют, обнимут дожди.
 И снега укутают. Песцовой этакой шубы и не нашивал никто на земле.
 И молитвы такой ничьи бедные губы не твердили в алмазковой мгле.
 А куда я иду? За какую жалью-надобой, там-вдали-за-рекою,
 за небесной милостью, за
 Край света, за ясной тоскою, за монетами – на глаза?
 ...это Ход мой, сиротский поход мой, одинокий, за гранью-чертой –
 Нежным знаменем, зрячим оком одинокой Веры святой.